18+

Юрий Захаренко

Рассказы попутчика

Юрий Захаренко

Рассказы попутчика

«Издательские решения»

Захаренко Ю.

Рассказы попутчика / Ю. Захаренко — «Издательские решения»,

Все мы попутчики по Дороге Жизни. Со всеми нами случаются самые разнообразные, интересные и замечательные события. Грустные и веселые, радостные и печальные, удивительные и просто обыденные. Кто-то их видит, замечает. Кто-то просто проходит мимо. Моё воображение и буйная фантазия помогает мне подмечать разные интересности. И, по мере моих скромных способностей, я описал здесь всё, что приключается со мной и моими попутчиками по увлекательной Дороге Жизни.

© Захаренко Ю.
© Издательские решения

Содержание

Боль и страх 6
Белая птица 9
Выбор 14
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Рассказы попутчика

Юрий Захаренко

© Юрий Захаренко, 2026

ISBN 978-5-0071-5763-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Боль и страх

Боль. Она ведь бывает не только физическая, но и душевная. Боль от травм или от потери близкого, но в любом случае, это стимулирующий фактор человеческой жизни. С болью человек получает опыт — чего нельзя, а что можно. Понимает принципы и устройство общества и мира. И постоянно учиться делать так, чтобы не было больно.

И в этом ему помогает постоянный спутник боли — страх. Это предшественник знакомой, уже изведанной, боли и способ избежать неприятных ощущений.

А еще страх это боязнь неведанного, непонятного и необычного. Того, что может причинить боль.

***

Боль появилась внезапно. Она тонкой иглой пронзила грудь. Огнем разлилась по ребрам, сковала руку и молотом ударила в голову. Я покачнулся, и, чтобы не упасть оперся о фонарный столб. Это помогло слабо, и я съехал на пыльный тротуар.

— Вам плохо?

— Мужчина, может быть скорую?

Вокруг раздавались участливые голоса случайных прохожих. А одна сердобольная старушка совала мне остро пахнувшую мятой таблетку валидола.

А потом пришёл страх. Всепоглощающий ужас. Он сковывал члены и не позволял произнести ни звука. Голоса становились все глуше и отдалялись, а лица скрывались за белесым туманом. На миг меня окутала тьма, затем яркая вспышка и я оказался стоящим на круглой полупрозрачной площадке в окружении сияющих огней.

Я огляделся, и от увиденного у меня перехватило дыхание — это был мир, которому я отдал добрую половину своей жизни. Бездонная пропасть окружала меня. И справа, и слева, и сверху, и снизу был темный мерцающий бархат вечной ночи.

Над головой проносились хвостатые кометы, стайками мелькали веселые астероиды, важно и неторопливо шествовали косматые шары звезд с хороводом молчаливых планет. Под ногами пылили туманности и медленно закручивались в бесконечные спирали галактики.

Космос я любил и изучал, сколько себя помню. И всегда мечтал оказаться в этих, не осознаваемых человеческим мозгом, просторах. И вот я здесь — стою на круглой платформе и любуюсь величием окружающего пространства. С моих губ помимо воли сорвалось восторженное:

— Какая красота!

Звук моего голоса, на мгновение застыл возле меня, а затем улетел прочь и скрылся в бездонных глубинах вселенной.

— Я рад, что вам нравиться, — раздался бархатный тенор.

И звучание этого голоса, в отличие от моего, не улетело вдаль безвозвратно, а мягким эхом отразилось от космических жителей, вернулось и окутало меня с ног до головы невесомым облаком.

— Кто вы? — я огляделся по сторонам.

— Зови меня — Демиург, — усмехнулся тенор.

— Вот как! Стало быть — Демиург, — протянул я. — Создатель всего сущего?

— Истинно так, — донеслось в ответ.

Я на секунду задумался.

— Судя по всему, я умер, — странно, но это понимание не вызывало и нотки беспокойства в моей душе. — Тогда позвольте спросить, где я? Это место — ад, рай?

— О нет! — казалось, Демиург был рад моему вопросу. — Ни первое и ни второе. Это место, куда ваша душа рвалась всю вашу жизнь. Я создал его, основываясь на ваших самых сокровенных желаниях.

— Тогда?..

Я не договорил, откуда-то сверху, на меня посыпался целый водопад снежинок. Они были матово белые и крупные — размером с советский пятак. Я отчетливо мог рассмотреть каждый лучик, каждое перекрестье этого чуда.

— А это что? — воскликнул я. — Снег? В космосе?

— О нет, — в интонациях Демиурга просквозила усмешка. — Вокруг вас не снег. То, что вы принимаете за снежинки, это Миры. Сотни, тысячи Миров. И вы можете выбрать любой из них.

— И как это сделать? — мне стало любопытно.

В ответ прозвучало мягкое:

— Просто протяните руку.

Я, после некоторого колебания, подчинился. Одна из снежинок плавно опустилась мне на ладонь. И вместо того чтобы растаять, начала расти, и росла до тех пор пока не стала с футбольный мяч. Она утратила матовость и белизну, и стала абсолютно прозрачной, с легкими перламутровыми разводами, словно у мыльного пузыря.

— Смотрите внутрь.

Я с опаской приблизил прозрачный шар к лицу и заглянул в слегка мерцающее нутро. Перед моими глазами одна за другой стали проноситься живые картины, моменты чьей-то жизни:

…боль и страх неизведанного…

…туго спелёнатого младенца несут улыбающейся женщине…

…малыш, на нетвердых детских ножках, делает первые шаги, шлепается на пол, и обиженно ревет…

…мальчик, в синих шортах, бежит по полному цветущих одуванчиков лугу, и радостно хохочет…

…ветер бьет в лицо и развевает давно не стриженые волосы — парнишка мчит на велосипеде…

…драка в темной подворотне, железистый вкус крови из разбитых губ и пьянящее чувство победы…

…скука школьных уроков и восторг свободы…

…полумрак танцплощадки, девичий стан и жаркие губы…

…молодая пара на ступенях ЗАГСа…

…маленький конвертик с первенцем, его первая улыбка и первые шаги…

…опостылевшая работа и уют семейного очага…

…долгожданная пенсия и пустые блеклые дни…

…редкие визиты детей, внуков…

…боль утраты…

…боль…

…страх неизведанного…

Чья-то человеческая жизнь пронеслась у меня перед глазами за считанные мгновения. Я протянул руку и поймал другую снежинку, потом еще и еще. Везде одно и то же.

— А я-то думал, что это иные Миры, — в голосе моем звучало разочарование. — А это просто обычные жизни обычных людей.

— А разве человеческая жизнь, это не Мир? — удивился Демиург. — Разве в жизни человека нет главы и народа? Нет интеллектуалов и работяг? Нет войны и мира? Согласия и споров? Труда и праздности? Творчества и штампов? Созидания и разрушения? Праздника и

обыденности? Жизнь человека и сам человек, это и есть Мир, Вселенная. И каждый уникален по-своему.

Он замолчал. И в наступившей тишине было слышно, как на своем неведомом языке, между собой тихо шепчутся звезды.

— И что теперь, — я первым нарушил молчание.

— Выбирайте, — просто ответил Демиург. — Выбирайте мир и живите. Ведь смерти нет. Есть лишь бесконечная жизнь с краткими остановками в междумирье.

— Так просто? — удивился я. — И что, теперь я буду знать, что со мной было, и что произойдет в жизни?

— О нет, — голос Демиурга погрустнел. — В момент рождения, вы все забудете. Лишь краткие, мимолетные воспоминания о грядущем будут изредка всплывать в вашей памяти. Вы, люди, называете это Дежавю, шестым чувством, интуицией.

— Что мне нужно сделать? — после паузы спросил я.

— Возьмите в руки выбранный Мир, и раздавите сферу.

С секунду поколебавшись, я выхватил из вихря снежинок одну, чем-то мне наиболее приглянувшуюся. Дождался, пока она в моих рука не станет большой, несколько мгновений вглядывался внутрь, изучая мою будущую жизнь. Затем пожал плечами и раздавил шар. Тот звонко хрустнул и осыпался мне под ноги мелким стеклянным крошевом.

— До встречи, — бархатный тенор Демиурга удалялся. Космические жители ускорили свой бег, закружились в хороводе, который вскоре обратился в огромную сияющую воронку. И в эту воронку неумолимо потянуло меня.

Тьма. Сдирая кожу и выворачивая суставы я продирался сквозь эту тьму.

Появилась боль. Полностью поглощающая разум и стирающая память боль. Все исчезло. И не было ничего кроме боли. А потом боль утихла, но память и разум не вернулись. Зато появился страх. Страх перед неизвестностью.

— Поздравляем, мамочка. У вас мальчик, — громогласный голос прогремел в наполненной светом и резкими запахами комнате.

И тогда я закричал.

***

Боль и страх.

С них начинается рождение нового человека. С боли родов и страха перед неизвестностью и загадками жизни.

Боль и страх.

С ними человек умирает. С болью об утраченном и со страхом перед неизведанностью и тайнами смерти.

Боль и страх.

Они сопровождают нас всю жизнь. И всю смерть. Это наше проклятие, но и наше спасение. И, что самое интересное — без боли и страха не было бы и самой жизни.

Белая птица

Поздней весной, в наших широтах, темнеет долго и медленно. Солнце плавно, словно нехотя, опускается за горизонт. Сначала оно кромкой цепляется за крыши многоэтажек, затем постепенно прячется, скрываясь от человеческих глаз. И когда последний луч небесного светила, ласково коснувшись небосвода, исчезает за кромкой, на улицы города опускается ночь.

***

Я открываю глаза, оглядываюсь — родная комната в сумраке наступившей ночи, выглядит необычно и таинственно. По потолку пробегают отсветы фар проехавшего мимо автомобиля, а светящийся циферблат настенных часов показывает 23:32. До хруста потянувшись, поднимаюсь с кресла. Делаю несколько приседаний, чтобы размять затекшее тело — видимо я задремал на своем любимом месте — и тихо, стараясь не шуметь, иду по квартире.

Заглядываю в спальню. Жена спит, обняв мою рубашку. И нежность теплой волной накрывает все мое естество. Подхожу ближе, хочется провести ладонью по ее волосам, но в последний миг останавливаюсь. Пусть спит. Последние несколько дней выдались очень суматошными и напряженными. Гости, хлопоты и переживания — все это тяжким грузом усталости измотало ее.

Я стою несколько минут в тишине, прислушиваюсь к ее дыханию и, всей грудью вдыхаю знакомые запахи ее волос, тела, косметики. Затем, тихонько затворив за собой дверь, отправляюсь в детскую.

Ночник в виде розовой феечки, мягким приглушенным светом освещает комнату. Дочь спит, широко раскинувшись на кровати. Одеяло с мультяшным медвежонком сползло на пол. Подхожу и укрываю малышку, заботливо подтолкнув края. Она ворочается, хмурит бровки и лепечет что-то неразборчивое. Я с улыбкой наклоняюсь и легко касаюсь губами детской щеки.

— Спи спокойно, родная, — тихо шепчу я. И еще раз взглянув на безмятежно спящего ребенка, иду в коридор.

Ночь. Квартира, погруженная в темноту и тишину, спит. Все предметы знакомой обстановки теряют свои привычные очертания и становятся чуждыми, необычными и иногда даже пугающими.

Спят и мои домочадцы, набираясь сил перед новым днем. А для меня самое время выйти и прогуляться. Это очень важно и необходимо.

Выхожу в подъезд. Спускаюсь по гулкой, слабоосвещённой лестнице. Толкаю шероховатую от облупившейся краски массивную дверь и оказываюсь во дворе.

И ночь принимает меня в свои теплые объятья. Окутывает, обволакивает тишиной и ни с чем несравнимыми запахами майской ночи. Доносится одуряющий аромат цветущей черемухи, свежей листвы и еще чего-то такого, что невозможно описать словами.

А тишина? Нет абсолютной ночной тишины. Ночь наполнена звуками, которые днем, при свете Солнца, или не слышишь, или не обращаешь на них внимания. Шелест листвы и стрёкот цикад. Лай придурковатой собачонки из частного сектора и рев грузовиков с областной трассы. Треньканье ночной птахи и мяв разгулявшихся котов. Торопливые шаги позднего прохожего и шуршание в траве мелкой зверушки. Все это слышно четко и явственно.

А небо? Ночное бездонное небо с мириадами мерцающих звезд. Небо, с важно выплывающей из-за горизонта растущей Луной. Небо, с бледной полосой Млечного пути. На это можно смотреть бесконечно, любуясь бездной пространства, мечтая и загадывая желания.

Ночь. Город спит. Темные громады многоэтажек, с редкими светящимися окнами, кажутся морскими лайнерами в морском порту. Где-то вдалеке слышен бой часов. Полночь. Мне нужно идти. Майская ночь коротка, а мне требуется многое успеть. Почему-то это очень важно. И именно в эту ночь.

Нет ничего лучше пешей прогулки по улицам ночного города. Маршрутом, много раз хоженым-перехоженным и знакомым до последнего камня, до последней выбоины в асфальте, я неспешно шагаю по тротуару.

Ночь. Время воспоминаний, ностальгии и тоски по утраченному. Именно в ночное время в памяти всплывают события и лица из давно минувших дней. Эмоции и чувства прошлого, с головой погружают в атмосферу тех времен.

Вот здесь, под пышными плакучими ивами, папа фотографировал меня на старенький «Зенит». Я — первоклассник, с огромным букетом гладиолусов. На фото у меня испуганный вид, что не удивительно — с тонких, изящно длинных листьев ивы то и дело капало, и я до ужаса боялся подцепить солитера, который по мальчишеским поверьям жил в листве этого дерева.

А вот здесь, я впервые подрался. Мне до крови разбили нос и порвали рубашку. За что тогда дрались — не помню, зато в памяти очень хорошо остался нагоняй от мамы за испорченную школьную форму.

Центральная улица. Мигающие желтым светофоры. Фонари еще не погасли, и ярко освещают проезжую часть с редкими автомобилями. Топаю вдоль чуть освещенных витрин закрытых магазинов.

На этом месте, на ступеньках гастронома, я увидел красивую девчонку, которая впоследствии стала моей женой, и матерью моего ребенка. Было в Наташе нечто такое, что выделяло ее из толпы, делало заметной и сияющей.

Иду дальше. Улица заворачивает и превращается в городскую площадь. А дальше расположен парк. Шагаю мимо темных административных зданий и захожу под высокие арочные ворота. Тенистый полумрак — в парке освещение уже не горит, но света Луны с лихвой хватает, чтобы видеть посыпанные гравием аккуратные аллейки, пышные кусты, высокие деревья и спящие аттракционы.

Танцплощадка. В ушах, далеким эхом, звучат мелодии ушедшего века.

Скамейка под старой липой — это наше место, здесь мы впервые поцеловались, здесь я сделал Наташе предложение, и именно здесь она сказала, что я скоро стану папой.

Сажусь, ощущаю под собой ребристую поверхность. Провожу рукой по шершавым, избитых временем и непогодой доскам. Как будто все это было только вчера: облако волос, сияющий взгляд и нежные губы. Со вздохом поднимаюсь и двигаюсь дальше.

Ночь. Это не только время для любви и воспоминаний. Еще это время таинственного, страшного и потустороннего. В свете Солнца Мертвых открываются призрачные двери, и обитатели других миров приходят за поживой на нашу Землю.

Я шагаю по пустынным, полутемным аллеям. Под ногами хрустит гравий. Легкий ветерок приятно обдувает лицо.

Вдруг, я слышу плач. Детский плач. Останавливаюсь. Вслушиваюсь в тишину ночи — нет сомненья, где-то неподалеку плачет ребенок. Бросаюсь на звук. И в самом темном месте парка, там, где три разлапистые ели образуют нечто вроде беседки, замечаю маленькую светлую фигурку. Подхожу ближе. Девочка. Совсем малышка — лет пяти-шести, в легком сарафане стоит в тени елок, и, размазывая слезы по чумазой мордашке, тихо плачет.

— Ты кто, малышка? — я сажусь перед ней на корточки. — Ты потерялась?

Девочка резко обрывает плач и, протянув ко мне руки, делает шаг вперед. Теперь на ее личике нет и следа недавних слез. Она широко улыбается, и глаза ее горят призрачным светом.

От всего этого у меня, мурашки бегут по спине, и что-то обрывается внутри. Я не могу сдвинуться с места. Крик застрял в горле.

Внезапно малышка останавливается, пристально смотрит на меня, тянет носом воздух и говорит неожиданно громким и густым басом:

— Проваливай отсюда.

Затем презрительно сплевывает и исчезает в тени деревьев.

А я бегу. Бегу, не разбирая дороги и не глядя под ноги. Мимо мелькают деревья, кусты, редкие фонари и заборы частного сектора. Доносится разнокалиберный лай дворовых псов. А я бегу. И останавливаюсь лишь тогда, когда запнувшись обо что-то, со всего размаху падаю, сдирая об асфальт в кровь ладони и колени.

Ночь. Странное время. Ночью может случиться что угодно и с кем угодно. Ждешь ты того или нет. Но главное, ночь может стать временем ответов на вопросы, когда над многими тайнами и загадками приподнимается завеса.

Саднящая боль в стёртых ладонях приводит меня в чувство.

— Это надо же такому привидеться, — бормочу я, и слизываю соленые капельки с ранок на руках.

Все, что произошло несколько минут назад, мне уже кажется мороком, глюком, дурным сном. Нервно посмеиваясь, я оглядываюсь по сторонам. Пытаюсь понять, куда меня занес страх.

Надо же! Прямо предо мной ворота городского кладбища. А неплохо бы прогуляться по городу мертвых под покровом ночной темноты. После потрясения в парке, прогулка по кладбищу представляется мне плевым делом.

Сказано — сделано. Я шагаю к воротам. Они ожидаемо заперты. Не беда — забор не слишком высок, и перелезть через него, особого труда не составит.

Раз-два! И я уже на той стороне. Странно, здесь все иначе. Другой воздух, другие запахи и даже свет Луны кажется совсем иным, более серебристым что ли.

Я шагаю вдоль крестов и надгробий, с которых на меня с любопытством взирают глаза, давно истлевших под толщей земли, людей. У некоторых я останавливаюсь, читаю даты, разглядываю лица. Странно — мне совсем не страшно. Просто любопытно и немного, совсем чуть-чуть, не по себе.

Надгробия и памятники становятся поновей и побогаче. Даты все ближе к сегодняшней. Мелькают несколько не так давно почивших друзей. Я, хоть и понимаю, что делаю нехорошо, но шутовски раскланиваюсь с ними.

Внезапно я останавливаюсь. Большой портрет на черном кресте у могилы, обложенной грудой свежих венков и цветов, привлекает мое внимание. Подхожу ближе. Нет сомнений, я знаю этого человека. Я видел это лицо. Много раз, на протяжении почти тридцати пяти лет. В зеркале.

— Дурдом! — восклицаю я и, разгребая руками колкие венки, пытаюсь добраться до надписи.

«Демидов Сергей Витальевич» — это мое имя. Ниже две даты: первая — мой день рожденья, вторая — трехдневной давности.

Земля уходит у меня из-под ног. Чтобы не упасть, я хватаюсь за крест и под пальцами явственно ощущаю холод металла. Я чувствую! Я живой! Это чья-то глупая шутка!

— Что за дьявольщина здесь твориться? — кричу я, и голос мой эхом разносится над тихими могилами.

Ответом мне лишь шорох венков да шелест листвы.

— Вот ты и пришел, — раздается голос.

Я оборачиваюсь, сзади стоит высокая женщина с распущенными светлыми волосами, в белоснежном, длинном до пят, платье и букетом алых гвоздик в руках. Ее можно было бы назвать привлекательной и даже красивой, но все портят глаза. Вернее их отсутствие. Черные провалы, на месте глаз, бездонными дырами смотрят прямо на меня.

— Кто вы? — от страха мой голос становится сиплым.

— Я Смерть, — просто отвечает женщина.

— Что за дурацкие шутки!? — меня начинает бить озноб.

— Это не шутки, Сережа, — Смерть говорит ласково и успокаивающе. Она подносит к лицу букет и вдыхает запах живых цветов. Те вянут, скукоживаются и прахом рассыпаются по ветру. — Ты умер. Здесь тебя похоронили. Родственники тебя оплакали, и будут еще долго скорбеть об утрате. Будут долго помнить, и вспоминать только хорошее. Но тебе здесь не место. Три дня прошло, и пора отправляться туда — за Порог.

— Но ведь я живой! — кричу я. — Я чувствую! Холод. Тепло. Боль. Страх. Любовь. Грусть. Радость…

— Все верно, — кивает белая женщина. — Это твоя Последняя ночь на Земле. Она дана, чтобы ты мог проститься с тем, что и кого любишь. Почувствовать в последний раз холод, тепло, боль, страх, любовь, радость.… Почувствовать себя живым. Ибо там, за Порогом, ничего этого нет.

— А что там есть? — сквозь зубы цежу я и делаю шаг назад.

— Я не знаю, — Смерть пожимает плечами. — Этого никому не дано знать. Даже мне.

Она подается вперед и внезапно оказывается рядом со мной.

— Не сопротивляйся, Сережа, — белая женщина обнимает меня за шею и целует прямо в губы.

***

Майские ночи коротки, и эта не была исключением. Горизонт на востоке окрасился розовым и первые, робкие лучи Солнца осветили пустынное кладбище. Они скользнули по неровным рядам надгробий и достигли креста у свежей могилы, на котором сидела большая белоснежная птица. Птица повернула голову в сторону восходящего солнца, что-то печально выкрикнула и, расправив огромные белые крылья, полетела вслед уходящей ночи и гаснущим звездам.

***

В декабре, в наших широтах, темнеет очень быстро. Солнце, словно торопясь отправиться на боковую, стремительно опускается за горизонт. Сначала оно кромкой цепляется за крыши многоэтажек, затем спешно прячется, скрываясь от человеческих глаз. И когда последний луч небесного светила, ласково коснувшись небосвода, исчезает за кромкой, на город опускается ночь.

По вечерней зимней улице шли двое — женщина и девочка лет двенадцати. Стоял легкий морозец. Дыхание белыми облаками пара окутывало обоих. Снег поскрипывал под ногами. На сугробах и нетронутой целине, он искрился и переливался разноцветными огоньками. Небо было безлунным, но полным ярких зимних звёзд.

— Мам, глянь, сколько звезд! — девочка запрокинула голову и от восхищения широко открыла ротик.

Женщина посмотрела на небо.

— Да! — облачком морозного пара вырвалось у нее.

Небосвод был усыпан яркими огнями далеких светил. Звёзды мерцали и перемигивались между собой, ведя на неведомом людям языке, свою вечную беседу.

— А я знаю созвездия! Это Большая медведица, это Малая, а это Орион, — девочка рукой в цветастой варежке указывала на небо. — А вон та полоска — Млечный путь. Мне папа показывал, — тихо добавила она и замолчала.

Мама посмотрела на дочку, потом на небо, подумала немного и негромко произнесла:

— Это не так, Маришка. Не Млечный путь это — папа ошибся.

— А что это тогда? И папа не мог ошибаться! — Маришка от возмущения топнула ножкой обутой в голубой сапожок.

— А он и не ошибался, — женщина обняла девочку и прижала ее к себе. — Он просто не знал того, что знаю я.

— И чего же? — Маришка посмотрела на маму.

Та вздохнула и ответила:

— Это не Млечный путь. Это Птичий Шлях.

— Что? — от удивления у девочки рот сделался похожим на букву «О». — Мама, а как же..?

— И это не звезды, — мама, казалось, не слышала ее. Она продолжала смотреть в звездное зимнее небо. — Это птицы. Большие белоснежные птицы. И каждая птица, это душа человека летящая в рай. Они медленно машут своими огромными крыльями и летят по бескрайним просторам вселенной, в те края, где ждет их покой и счастье.

— И папа там? — Маришка снова посмотрела на небо.

— И папа там, — эхом повторила женщина. По ее щекам текли слезы.

Мама и дочь еще долго стояли и смотрели на бледную полосу пересекающую небосвод с севера на юг. Изо всех сил стараясь разглядеть большую белоснежную птицу, размеренно машущую огромными крыльями в бесконечном полете в счастливый и радостный край.

Выбор

Случается иногда такое, что кажется, всё в этом мире против тебя. Милые и доброжелательные коллеги, периодически плетут интриги. Справедливое начальство ценит твои труды и по достоинству за них награждает. Вследствие этого, катастрофически не хватает денежных знаков, а горячо любимая жена, ежедневно пилит ремонтом квартиры и отдыхом на берегу теплого моря. Дети капризничают и хотят новых гаджетов, которые стоят столько, что можно полностью починить старушку-машину, второй год безвыездно живущую в гараже. И в довершение ко всему, любимая футбольная команда, третий раз подряд, проигрывает с разгромным счетом.

Случается.

И не только у мужчин. Слабый пол не менее сильного подвержен хандре и кризису среднего возраста.

И у женщин случаются адекватное руководство и отзывчивый коллектив. А еще квартира уже лет пять требующая ремонта. Непослушное потомство, неведомо в кого пошедшее. Родительские чаты в мессенджерах, с бесконечными сборами то на одно, то на другое. Стирка, уборка, готовка, глажка… Прошлогодние джинсы, что после зимы стали внезапно малы. Новые морщинки у глаз и седые волоски в причёске. Искреннее недоумение, как тот «Мачо», что много лет назад покорил ее девичье сердечко, тот, что мог решить все проблемы, насмешить и набить морду кому угодно, превратился в поселившегося на диване у телевизора тюленя с бутылкой пива и пакетом чипсов. Ну и, как изюминка — зараза Ленка из бухгалтерии, купила то платьишко, что висело в бутике на Октябрьской. И ведь влезла же в него каким-то образом со своими далеко не модельными формами.

Да. Случается. И у мужчин, и у женщин. Правда, не у всех. Но у трети, это точно.

Некоторые называют это кризисом среднего возраста, некоторые гормональной перестройкой организма, некоторые говорят, что не сошлись характерами и не подходят друг другу. А поэт однажды красиво сказал: «Любовная лодка разбилась о быт…».

И все по-своему правы. Но не суть.

Суть в том, что такое бывает.

И хочется в такие моменты, до слез, до зубовного скрежета хочется вернуться в то золотое время, когда тебе шестнадцать — семнадцать лет, ты молод и беззаботен. Все твои трудности решают взрослые люди. Рядом с тобой верные друзья и любящая подружка. А впереди долгая и счастливая жизнь.

Хочется. Ох, как хочется.

Да вот только нельзя. Не получится.

Хотя…

В то утро, Антон хмуро шагал на автобусную остановку. Ничего его сегодня не радовало. Ни яркие лучи восходящего весеннего солнца, что путались в юной листве придорожных лип. Ни веселый щебет птиц, начавших свой утренний танец. Ни красавец полосатый кот, что вальяжно развалился на скамейке и с прищуром смотрел на редких прохожих.

Антон пребывал в раздражении. Он то и дело возвращался к очередному скандалу с женой, которые в последнее время становились все чаще и чаще. Перед глазами стояло ее раскрасневшееся лицо, а в ушах звучал визгливый голос.

Подумать только! Ведь когда-то это милое личико с ямочками на щеках вызывало желание целовать ее без остановки. А звонкий голос заставлял сжиматься сердце. И вот теперь… Что произошло за эти несколько лет? Что заставило ту милую девчушку-хохотушку превратится в склочную бабу?

Скандалы становились обязательным ежедневным ритуалом, с взаимными упреками и перечислением бытовых проблем. Вот и сегодня, разогревшись фразой: «Если бы не ты…», Аля стала выдавать насущные проблемы. И текущий на кухне кран, и новые кроссовки для дочки, и обалдуй сын (весь в папу), которого застукали курящим в школьном туалете, и еще много всего. Но главное (Антон так и не понял к чему это) — цветы, которые он дарил в последний раз, чуть ли не на свадьбу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.